

Татарское нашествіе.

Быть татарь. Въ обширныхъ степяхъ Гоби и по склонамъ Алтайскихъ горъ издавна кочевали народы, которые называли себя монголами (удальцы). У китайцевъ же они были извѣстны подъ именемъ татавъ, откуда и произошло наше слово «татары».

Монголы не составляли одного государства, но распадались на множество ордъ. Ордами управляли беки, или старѣйшины, которые рѣшали дѣла на сходкѣ. Между ордами постоянно происходили междоусобицы изъ-за стадъ, которыя составляли все богатство этихъ кочевниковъ.

Татары жили въ круглыхъ юртахъ, сплетенныхъ изъ хвороста и покрытыхъ войлокомъ. Иногда юрта прикрѣплялась къ повозкѣ, тогда получалась кибитка.

Степь закалила татарь, сдѣлала ихъ выносливыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне грубыми. Эти небольшіе коренастые люди, съ желтымъ цвѣтомъ лица, съ выдающимися скулами, съ жидкой бородой, съ поделѣповатыми, по острыми глазами, почти безъ рѣсницъ, ѣли руками, платья не мѣняли, пока оно не износится. Конина и баранина были ихъ любимымъ кушаніемъ, кумысъ — напиткомъ. Выносливость ихъ была изумительна.

Съ трехъ лѣтъ татаринъ учился сидѣть на конѣ и бить изъ лука птицъ и крысъ; женщины точно такъ же отлично ѣздили верхомъ и владѣли оружіемъ.

Въ мирное время мужчины занимались охотой или просто валялись въ юртахъ, взваливая все обязанности по хозяйству на женщинъ. Онѣ готовили пищу, смотрѣли за стадами, шили обувь и одежду.

Татары сначала были самые грубые идолопоклонники. Идоловъ, которымъ они поклонялись, они считали не за изображенія, а за самихъ боговъ. Молнію считали живымъ существомъ, огненнымъ змѣемъ и почитали, вообще, огонь, какъ очищающее божество. Вотъ почему чужеземцевъ, прежде чѣмъ допустить къ ихъ правителю — хану, проводили между двухъ огней. Но татары не преслѣдовали другія вѣры: у нихъ встрѣчались проповѣдники магометанства и христіанства.

Завоеванія Чингисъ-хана. Пока татары жили разрозненными ордами, они не были страшны ни для Азіи ни для Европы. Но около 1200 года одинъ изъ хановъ Темуджинъ соединилъ подъ своею властью многія орды, при чемъ, говорятъ, сварилъ 70 непокорныхъ хановъ въ котлахъ. Онъ сталъ именовать себя Чингисъ-ханомъ — великимъ ханомъ; поселился въ блестящей столицѣ Каракорумъ у Байкала и издалъ Ясу — книгу законовъ, которая вводила строгій порядокъ и единство между ордами. Новый повелитель татаръ рѣшилъ что, какъ солнце одно на небѣ, какъ и онъ долженъ быть одинъ владыка на всей землѣ. Онъ началъ съ Китая, потомъ ринулся на Ховарезмъ (Бухару), богатѣйшее царство Востока, гдѣ жили просвѣщенные арабы. Своихъ сыновей Чингисъ-ханъ послалъ завоевывать Персію, а одинъ отрядъ подъ на-

чальствомъ двухъ полководцевъ направилъ на сѣверо-западъ. Они опустошили Грузію и черезъ Дербентскія ворота проникли въ южно-русскую степь, которую и назвали по своему Кипчакъ.

Такой успѣхъ въ завоеваніяхъ объясняется военнымъ строемъ татаръ, выработавшимся испоконъ вѣковъ. Татары постоянно имѣли при себѣ лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и арканъ; у богатыхъ были, сверхъ того, кривыя сабли, сѣкиры, шлемы и брони, или панцыри; иногда вся лошадь убиралась въ кожаный панцырь.

Войско состояло только изъ конницы. Оно дѣлилось на десятки, сотни и тысячи; отрядъ въ 10.000 назывался тьмой; сторожевой отрядъ — карауломъ. Если одинъ изъ 10 дрался храбро, а остальные бѣжали, то ихъ казнили. Но всѣмъ бѣжать дозволялось. У нихъ было даже въ обычаѣ послѣ перваго натиска скакать вразсыпную. Впереди татарскаго войска шли развѣдчики. Когда встрѣчались рѣки, то татары переправлялись на бурдюкахъ или кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ хвосту лошади. На порожнихъ коней сажали чучель, чтобы казалось побольше войска. Татары были искусны въ осадѣ городовъ, дѣлали подкопы, напускали или отводили воду, строили укрѣпленные лагеря; они забирали съ окрестныхъ селъ плѣнныхъ и гнали ихъ къ городу, нагрузивъ ихъ травой, землей, дровами, камнями, и заставляли ихъ передъ городомъ возводить укрѣпленія.

Битва на Калкѣ. Такіе-то грозные враги обрушились на русскую землю. Сначала они встрѣтились съ половцами и разбили ихъ. Въ ужасѣ половцы прибѣжали сказать южно-русскимъ князьямъ: «Сегодня взяли враги нашу землю, а завтра возьмутъ вашу: помогите намъ».

Мстиславъ Удалой, княжившій въ Галичѣ, первый откликнулся на призывъ половцевъ. Онъ созвалъ на съѣздъ въ Кіевъ юго-западныхъ князей. Князья спѣшно идутъ въ походъ. Черезъ 10 дней они доходятъ до впадающей въ Азовское море рѣки Калки. За ней стояли татары. Мстиславъ Удалой, понадѣявшись на свои силы, послалъ молодого Даниила Романовича Галицкаго переправляться че-

резь Калку и затѣмъ переправился самъ. Вмѣстѣ съ половцами Метиславъ и Даніилъ напали на татаръ. Даніилъ былъ раненъ, но продолжалъ биться, не замѣчая раны. Половцы первые дрогнули подъ напоромъ татаръ. Не могли устоять и русскіе. Много русскихъ легло на полѣ битвы, въ числѣ павшихъ было 6 князей. Метиславъ и Даніилъ спаслись за Днѣпръ. А Метиславъ Кіевскій, укрѣпившійся на одной горѣ, былъ окруженъ татарами. Враги коварно предложили за выкупъ выпустить русскихъ. Но лишь только русскіе вышли изъ укрѣпленія, какъ были вѣроломно перебиты. Князей татары положили на землю, навалили на нихъ доски и стали пировать.

Это случилось въ іюнѣ 1224 года.

Такое тяжкое пораженіе русскихъ привело всѣхъ въ ужасъ и печаль. Съ трепетомъ ожидали, что татары нападутъ на русскую землю и опустошатъ ее въ конецъ. Грозные татары шли по направленію къ Кіеву. Они безопадно разоряли города, которые попадались имъ на пути. Но вдругъ повернули обратно въ степь. Ихъ вернули событія, происходившія въ Азіи.

Лѣтописецъ, описывая несчастную битву при Калкѣ, говоритъ: «Совершилось это съ нами за наши грѣхи. Богъ послалъ на насъ неразуміе; людей погибло безъ числа; были вопли, стоны и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Этихъ злыхъ татаръ мы *не знаемъ*. Откуда они пришли на насъ, куда дѣлись потомъ, не вѣдаемъ; только Богъ про то вѣдаетъ да люди въ книгахъ хитрые».

Второе нашествіе татаръ. Цѣлыхъ 12 лѣтъ не было ни слуху ни духу о татарахъ. Русскіе не думали готовиться, не собрали силы для защиты отъ новаго погрома враговъ. Но бѣду смутно предчувствовали. Съ тревогой народъ взиралъ на небо, гдѣ хотѣлъ прочесть, разгадать свое будущее. Появилась на небѣ огромная комета въ видѣ копья; началась небывалая засуха, лѣса и болота горѣли, воздухъ переполнился дымомъ, и солнца не было видно, или оно глядѣло краснымъ, какъ кровь; зданія разрушались отъ землетрясеній, былъ голодъ и моръ.

Въ это время въ Азіи у татаръ происходило слѣдующее: по разрушеніи Ховарезма Чингисъ-ханъ возвратился домой, чтобы родина видѣла его во всемъ величіи. Здѣсь онъ скоро умеръ. Завоеванныя имъ страны были раздѣлены такимъ образомъ: Джучи, его сыну, достался Кипчикъ (южная Россія), великимъ ханомъ сдѣлался Угедей, который повелѣлъ своему племяннику Батью, сыну умершаго Джучи, двинуться на западъ.

Цѣлой ордой татары двинулись черезъ Уралъ. Прежде всего татары напали на камскихъ болгаръ и разрушили ихъ столицу, а затѣмъ подошли къ Рязани.

Батый сначала послалъ къ рязанскимъ князьямъ женгучародѣйку потребовать десятой части отъ всего: отъ князей, простыхъ людей и отъ всякаго имущества. Князья отвѣтили: «Когда никого изъ насъ не останется въ живыхъ, все будетъ ваше». Несмотря на геройскую защиту, Рязань была взята, князь ея убитъ.

Жена одного изъ рязанскихъ князей Евпраксія, не желая доставаться побѣдителямъ, узнавъ о смерти своего мужа Феодора, бросилась со своимъ княжичемъ-ребенкомъ съ высокаго терема и разбилась насмерть.

Вотъ какъ одинъ нашъ поэтъ изобразилъ смерть княгини Евпраксин:

«Загорѣлося утро по-лѣтнему,
Загорѣлося сначала на куполѣ,
А потомъ перешло на верхушки древесныя,
А потомъ поползло по землѣ словно крадучись,
Гдѣ жемчужники, гдѣ и алмазники
У росистой травы отбираючи.

У Николы Гостунскаго къ ранней обѣднѣ ударили.
И княгиня проснулась подъ колоколь.
Къ колыбели птенца своего припадаючи,
Цѣловала его, миловала и пѣстовала,
И на красное солнышко вынесла,
На подборъ теремный, на свѣтелочный.

Вотъ стоитъ она съ нимъ — смотритъ на поле,
Смотритъ, пыль по дорогѣ поднялася;
Скачетъ кто-то, и конь весь обмыленный,
Ближе глянула, анъ Ополѣница¹⁾.

Не примѣтилъ княгини бѣ, да крикнула...
А княгиня Евпраксія спрашиваетъ:
«Гдѣ же князь мой, сожитель мой ласковый?»
Замоталъ головой Ополѣница:
«Не спросила бы, не было бѣ сказано:
Благовѣрный твой князь Ѳеодоръ Юрьевичъ,
Красоты твоей ради неслыханной,
Убитъ отъ царя, отъ Батя нечестиваго!»
Обмерла тутъ княгиня Евпраксія,
Къ персямъ чадо прижала любезное
Да съ нимъ вмѣстѣ съ подбора и ринулася
На сырую мать-землю, и тутъ заразилася до смерти.
И оттолкъ то мѣсто Заразомъ прозвалося,
Потому что на немъ заразилася
Съ милымъ чадомъ княгиня Евпраксія».

Въ февралѣ 1237 г. татары, какъ саранча, подошли ко
Владимиру-на-Клязьмѣ. Нѣсколько наѣздниковъ татарскихъ
приблизились къ Золотымъ воротамъ и стали спрашивать:
«Великій князь Юрій въ городѣ ли?» Владимирцы вмѣсто
отвѣта пустили въ нихъ градъ стрѣлъ.

— Не стрѣляйте! — закричали татары.

Выстрѣлы прекратились. Татары подвинулись ближе къ
воротомъ города. Передъ собой они влекли блѣднаго, ис-
худалаго, изможденнаго человѣка.

— Узнаете ли вашего княжича? — раздавался крикъ изъ
рядовъ татаръ.

Владимирцы съ ужасомъ узнали въ плѣнникѣ сына ихъ
князя Юрія, княжича Владимира, который находился въ
Москвѣ. Владимирцамъ стала ясна печальная дѣйствитель-
ность: Москва, ихъ передовой оплотъ, сторожившій пути съ
кіевского юга, взятъ татарами.

¹⁾ Приближенный князя.

Часть татаръ осталась у Владимира, а другая пошла къ Суздалю. Взявъ Суздаль, татары возвратились къ Владимиру. Сначала они обнесли городъ высокимъ тыномъ и поставили стѣнобитныя орудія (пороки). 7 февраля начался приступъ. Къ полудню татары овладѣли Новымъ городомъ и зажгли его. Владимирцы отступили за стѣны Стараго или Печернаго города. Князь Всеволодъ, другой сынъ Юрія, думалъ своею покорностью склонить татаръ хотъ къ тому, чтобы они оставили жителей въ живыхъ. Напрасно. Батый велѣлъ у себя на глазахъ зарѣзать вышедшаго съ дарами кн. Всеволода. Послѣ этого владимирцы приготовились къ смерти. Епископъ Митрофанъ и вся княжеская семья и бояре заперлись въ Богородичной церкви на «полатахъ», т.-е. на хорахъ. Татары выломали двери, ограбили церковь, потомъ наложили лѣсу и въ церкви и около нея и зажгли. Всѣ бывшіе въ церкви задохнулись отъ дыма и сгорѣли. 14 городовъ разрушили татары въ княжествѣ Владимирскомъ, покосивъ, какъ траву, говоритъ лѣтописецъ, его населеніе.

Часть татаръ пошла искать владимирскаго князя Юрія. Юрій находился на рѣкѣ Сити, когда до него дошла печальная вѣсть о случившемся во Владимирѣ. Онъ вступилъ съ татарами въ неравнѣйшій смертный бой на Сити и былъ убитъ.

Послѣ этого татары двинулись на западъ, къ Новгороду. Только ста верстъ не дошли они до Новгорода, испугавшись, что въ весеннюю распутицу оттаютъ болота, которыя могутъ отрѣзать имъ путь къ отступленію. Повернувъ къ степи, татары двинулись западнымъ краемъ Рязанской земли къ югу.

На этомъ пути имъ пришлось выдержать не одно стойкое сопротивленіе. На шесть недѣль задержала татаръ геройская защита Козельска. Даже когда разломаны были городскія стѣны, жители не сдавались и нещадно рѣзали татаръ ножами и положили ихъ на мѣстѣ до 4.000. Только перебивъ всѣхъ жителей, татары взяли Козельскъ и назвали его «злымъ городомъ».

На нѣкоторое время татары исчезли въ юго-восточныхъ степяхъ Россіи. Въ 1239 году они опять принялись за Русь.

На этотъ разъ нашествіе началось съ юга. Татары взяли и сожгли Переяславль и Черниговъ, а въ 1240 году дошли до Кіева.

Татарскій полководецъ Менгу, внукъ Чингисъ-хана, залюбовался чуднымъ видомъ матери городовъ русскихъ, Кіева, раскинутаго на высотѣ Днѣпра въ зелени садовъ и блиставшаго золотыми крестами своихъ церквей.

Князя кіевскаго Даніила въ то время не было въ городѣ. Онъ уѣхалъ на Волынь, а защиту города поручилъ своему тысяцкому Дмитрію. Татаръ было такое множество, что отъ скрипа телѣгъ, рева верблюдовъ, ржанья лошадей ничего не было слышно.

Стѣны Кіева скоро пали подъ ударами стѣнобитныхъ орудій татаръ; сокрушительнымъ потокомъ ворвались татары въ Кіевъ. За ночь кіевляне укрѣпились у Десятинной церкви. На утро и этотъ послѣдній оплотъ палъ, и весь Кіевъ обратился въ груды развалинъ.

Татарская неволя. Опустошительнымъ ураганомъ пронесли татары по Волыни и Червонной Руси. Наконецъ и Западная Европа увидѣла грозныхъ завоевателей. Впрочемъ, скоро Батый былъ разбитъ въ Чехіи, поворотилъ назадъ и остановился въ степяхъ южной Россіи отъ Урала до Дона. У устья Волги, близъ нынѣшняго Царева, онъ основалъ свою столицу Сарай, что значитъ «притонъ».

Но татары все еще жили въ юртахъ и кочевали. Ханъ былъ земной богъ для татарина. Онъ ѣлъ на золотѣ, пилъ изъ серебряной посуды, и вокругъ раздавались пѣніе и игра на цитрѣ. Онъ бралъ изъ имущества подданныхъ все, что ему ни понравится, казнилъ и наказывалъ, кого хотѣлъ, безъ суда. Особенно были часты тѣлесныя наказанія. Законы татаръ «Яса» предписывали не только простымъ людямъ, но и мурзамъ, бекамъ, уланамъ и тарханамъ рабское повиновеніе хану. Взамѣнъ этого знать имѣла полное господство надъ простымъ народомъ, была свободна отъ податей, отличалась титулами, гербами, имѣла собственныя печати и ордена, которые имѣли видъ золотыхъ, серебряныхъ и деревянныхъ дощечекъ на шеѣ.

Русь послѣ утверженія Батя на Волгѣ должна была подчиниться окончательно татарамъ. Татары, собственно, не тронули ни русскихъ порядковъ ни русской вѣры. Остались, какъ и прежде, князья на Руси, осталось управленіе и судъ и церковь — словомъ, все осталось такъ, какъ было до татаръ. Не стало только прежней свободы да являлся постоянный страхъ, что вотъ-вотъ поднимется эта татарская орда и начнетъ опять опустошать и разорять русскую землю.

Все русскіе князья должны были ходить на поклоненіе къ хану въ Золотую Орду, поклоняться его богамъ, одарять его самаго, женъ и приближенныхъ богатыми подарками.

Первымъ изъ князей нашихъ, сдѣлавшимъ все это, былъ Ярославъ, старшій въ княжескомъ родѣ послѣ убитаго при Сити Юрія. Батый, по словамъ лѣтописи, принялъ Ярослава съ честью и сказалъ ему: «Будь ты старшимъ между князьями въ русскомъ народѣ». Изъ Орды Ярославъ поѣхалъ поклониться великому хану въ Азію, но въ дорогѣ умеръ. Попытки нѣкоторыхъ князей выступить изъ воли хана кончались очень печально для смѣльчаковъ.

Князя Черниговскаго Михаила замучили въ Ордѣ. Отправляясь въ Орду, кн. Михаилъ твердо рѣшилъ не выполнять языческихъ обрядовъ, которыхъ требовали въ Ордѣ. Дѣйствительно, онъ отказался пройти между двухъ костровъ. «Не подобаетъ намъ, христіанамъ, проходить сквозь огонь и поклоняться солнцу и огню», сказалъ Михаилъ, — мы поклоняемся Господу нашему Іисусу Христу». Батый посылалъ своего приближеннаго уговорить Михаила исполнить обрядъ. Посланный сказалъ Михаилу: «Поклонись солнцу и лунѣ; если поклонись — воздамъ великую честь, не поклонись — умрешь злою смертью». Но Михаилъ не поддавался соблазну. Ему опять сталъ грозить смертью. «Готовъ умереть ради Христа, Бога моего», сказалъ твердо Михаилъ. Его долго мучили, пока его страданія не прекратилъ мечъ. вмѣстѣ съ нимъ убили и его боярина Теодора.

Даже такой могущественнѣйшій князь, какъ Даніилъ Романовичъ Галицкій — гроза венгровъ, ляховъ и нѣмцевъ, и тотъ долженъ былъ смириться передъ ханомъ. Отъ него потребовали сдачи городовъ, которые онъ укрѣплялъ, на-

дѣясь при помощи укрѣпленій сбросить иго татарь. Даниилъ сказалъ: «Не дамъ, самъ поѣду говорить съ Батыемъ».

Съ отвращеніемъ Даниилъ выпилъ кумысъ, поклонился хану и ханшѣ и одарилъ ихъ подарками. Ханъ ласково принялъ Даниила и съ честью отпустилъ его домой. Но не сладки были гордому Даниилу ласки и честь хана. «О злѣе зла честь татарская», со скорбнымъ негодованіемъ восклицаетъ лѣтописецъ, рассказавъ объ этой любезности хана.

Надо было знать, кто былъ для своего времени князь Даниилъ Галицкій, чтобы понять всю степень униженія. Храбрый воинъ, онъ объединилъ подъ своей сильной рукой всю юго-западную Русь, Галицію, Кіевскую землю. Даниила знали въ Западной Европѣ. Папа римскій искалъ союза и прислалъ ему королевскую корону, и Даниилъ короновался королемъ Галицкимъ. И вотъ этотъ-то князь и герой стоялъ на колѣняхъ передъ ханомъ, называлъ себя холопомъ, обѣщалъ платить дань хану... Тщетно онъ надѣялся на помощь Западной Европы въ дѣлѣ борьбы съ монголами. Онъ такъ и умеръ данникомъ Золотой Орды.

Тяжело жилось на Руси при татарскомъ владычествѣ. Страна была опустошена. Груды обгорѣвшихъ развалинъ городовъ и селъ, бѣлѣющія повсюду кости непогребенныхъ людей, поля, заросшія сорной травой—вотъ что представляла изъ себя Русь послѣ нашествія.

Приходившимъ на поклоненіе князьямъ ханъ выдавалъ грамоту, или ярлыкъ. Ханскій посолъ при особомъ обрядѣ сажалъ князя на княжескій столъ.

Все русское населеніе татары обложили тяжелой поголовной данью (ясакъ), не разбирая богатыхъ и бѣдныхъ, со всѣхъ одинаково. Татары брали десятину со всего. Собирались пошрины со всякихъ промысловъ и занятій, требовали подводъ и корма для служителей и гонцовъ хана, наѣзжавшихъ въ русскую землю. Русскіе должны были выходить на войну по первому призыву хана. Дань для

русскихъ была тѣмъ невыносимѣе, что сборщики даже не давали никому отчета и наживались насчетъ народа. Ихъ называли «баскаками», т. е. притѣснителями.

Спасаясь отъ баскаковъ, жители прятались въ лѣса. Но баскакъ умѣлъ находить и тамъ скрывавшихся. Съ толпой свирѣпыхъ татаръ гнался онъ за бѣглецами; у неимущихъ отнимались дѣти. Малѣйшее ослушаніе приводило къ гибели цѣлые города. Баскакъ жаловался въ Орду, и оттуда присылался отрядъ съ порученіемъ все опустошить въ непокорной мѣстности.

Для уплаты дани весь народъ былъ сосчитанъ татарскими численниками, и каждый человѣкъ долженъ былъ платить съ десятилѣтняго возраста.

Съ теченіемъ времени ханы поручали собирать дань самимъ князьямъ. Татарскіе сборщики дани выѣхали изъ русскихъ городовъ.

Дань князья стали брать съ земли, съ промысловъ. По мѣрѣ того, кто сколько обрабатывалъ земли, онъ платилъ дани больше или меньше. У кого было больше сохъ, лошадей и работниковъ, у того и земли было больше, съ него и взять можно было больше. Такая подать называлась *посошною*. Промыслы были приравнены къ земельной сохѣ. Высчитали, сколько дохода приносить одна кузница, одна мельница, одинъ неводъ для рыбной ловли и приравнивали ихъ къ сохѣ. Такъ, рыболовъ съ однимъ неводомъ платилъ столько же, сколько земледѣлецъ съ одной сохой.

Съ духовенства татары совсѣмъ не брали дани.

Татары жили далеко, въ степяхъ, они были гораздо менѣе образованы, нежели русскіе, и русскій народъ остался почти свободнымъ отъ вліянія татаръ. Оттого къ русскимъ не перешло ни одного татарскаго обычая ни одной пѣсни степняковъ. Напротивъ, наши пѣсни, наши пословицы дышатъ ненавистью и презрѣніемъ къ злой «татарвѣ», напр.: «Незваный гость хуже татарина», «Бѣда злѣй татарина».

Въ нашемъ языкѣ осталось немного словъ, заимствованныхъ отъ татаръ, и всѣ они почти обозначаютъ предметы внѣшней жизни, введенные татарами: алтынъ, арбузь, ар-

шинъ, атаманъ, базаръ, деньга, есауль, кабакъ, казакъ, казна, карауль, карій, кирпичъ, сундукъ, халать, чепракъ, ярлыкъ, колпакъ, тюфякъ, балыкъ, чемоданъ. Нѣкоторыя слова скоро вышли изъ употребленія: калита (кошель), улусъ (удѣль), шерть (присяга).

Цвѣтущій югъ запустѣль. Народъ обѣднѣль. Онъ стремился туда, куда и ранѣе переселялся, въ Суздальскую землю. Переселившись въ новый край, русскіе стали усиленно заниматься земледѣліемъ, чтобы прокормиться да вовремя заплатить татарскую дань. Кіевская Русь потеряла всякую связь съ сѣверомъ, ослабѣла и сдѣлалась добычей усилившейся въ то время Литвы.

Безъ татаръ не могла бы такъ скоро возвыситься Москва. Они помогли объединиться Руси около Москвы. Татары сами способствовали созданію того, что впоследствии поглотило ихъ. Они сами выстроили то зданіе, которое взять уже были не въ силахъ.